

На правах рукописи

КАЮМОВА АЛЬФИЯ РЕВОЛЕВНА

**УГОЛОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Специальность: 12.00.10 —
Международное право; Европейское право**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Казань — 2016

Работа выполнена на кафедре международного и европейского права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный консультант:	Капустин Анатолий Яковлевич , доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской Ассоциации международного права
Официальные оппоненты:	Марусин Игорь Станиславович , доктор юридических наук, профессор кафедры международного права ФГБОУ ВО «Санкт- Петербургский государственный университет» Мезяев Александр Борисович , доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ» Моисеев Алексей Александрович доктор юридических наук, проректор по социально-воспитательной работе, филиалам и международным связям ГКОУ ВО «Российская таможенная Академия»
Ведущая организация:	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 21 сентября 2016 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.32 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 335.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>) и Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://kpfu.ru>).

Автореферат разослан «___» июня 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Н.Е. Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время мировое сообщество столкнулось с серьезной проблемой роста международной и транснациональной преступности. Это беспрецедентное по историческим меркам возрастание террористической угрозы; обострение политических, религиозных и межэтнических конфликтов, в ходе которых совершаются массовые и грубые нарушения прав человека; интернационализация организованной преступности в сфере распространения наркотиков, торговли людьми, контрабанды оружием, сопровождаемая коррупцией и легализацией преступных доходов. Сложившаяся ситуация требует от государств переосмысления отдельных направлений сотрудничества с целью выработки новых методов борьбы с международной и транснациональной преступностью. Одновременно с практической реализацией такого сотрудничества во многом стали востребованы и научные исследования в данной сфере. Одним из таких направлений в доктрине международного права является исследование различных аспектов уголовной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции.

24 сентября 2012 года Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) провела Сессия высокого уровня, посвященное *верховенству права на национальном и международном уровнях*, где была принята историческая декларация о верховенстве права (резолюция 67/1 ГА ООН от 24 сентября 2012г.). Государства в контексте многочисленных комплексных преобразований в политической, социальной и экономической областях должны руководствоваться верховенством права, которое составляет фундамент дружественных и равноправных отношений между ними и образует основу строительства справедливых и равноправных обществ. В декларации указывается, что вопросы укрепления верховенства права должны быть включены в число приоритетных задач международной повестки дня на период после 2015 г.

Актуальность комплексного исследования уголовной юрисдикции государств в международно-правовом аспекте обусловлена, в первую очередь, дефицитом теоретических разработок в данной сфере, что подтверждается отсутствием общепринятого понятия данной правовой категории, существующими асимметричными подходами к пониманию ее содержания и определению основ для классификации. Также имеются пробелы в отечественной доктрине в части закрепления места института юрисдикции в системе современного международного права. Между тем достижение консенсуса по многим теоретическим проблемам юрис-

дикции в российских правовых исследованиях, может способствовать не только повышению общего уровня подготовки специалистов в области юриспруденции в высших учебных заведениях страны, но имеет важное стратегическое значение в свете открывающихся перспектив освоения космоса, арктических пространств и урегулирования многих других территориальных вопросов.

Понимание правовой природы феномена юрисдикции в целом, а также формирование единой концепции уголовной юрисдикции государств в международном праве является необходимым фактором решения многих серьезных практических задач, возникающих перед государствами в сфере борьбы с международной и транснациональной преступностью в современный период, среди которых — урегулирование конфликтов национальных уголовных юрисдикций и повышение эффективности сотрудничества государств в области оказания правовой помощи по уголовным делам и выдачи (экстрадиции) лиц для уголовного преследования или исполнения вступившего в силу приговора.

Актуальность исследования международно-правовых аспектов уголовной юрисдикции государств во многом связана также с тенденцией расширения практики применения экстратерриториальной юрисдикции государствами в эпоху глобализации. Эволюция классического действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц на основе базовых принципов территориальности, персональности и защиты требует адекватного реагирования уголовного и уголовно-процессуального права государств. Поскольку ни одна специализированная конвенция по борьбе с тем или иным транснациональным преступлением не исключает возможности осуществления государством-участником любого вида уголовной юрисдикции, установленной в соответствии со своим внутренним законодательством, то большое практическое значение имеет внутригосударственное правовое закрепление всех вероятных способов установления юрисдикции, что требует постоянного мониторинга отдельных положений внутреннего права, в том числе российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части закрепления релевантных основ уголовной юрисдикции нашего государства.

В условиях частых вооруженных конфликтов и возросшей угрозы международного терроризма набирает обороты практика применения государствами универсальной уголовной юрисдикции в отношении массовых и грубых нарушений прав человека. Отсутствие единых международно-правовых решений и правил реализации принципа универсальности в последние годы неоднократно являлось причиной нарушения института государственных иммунитетов и способствовало возникновению полити-

ческой напряженности на международной арене. В этой связи являются востребованными исследования, касающиеся условий и пределов применения универсальной юрисдикции, предметной сферы ее охвата.

Наконец, актуальность избранной темы во многом объясняется необходимостью исследования соотношения уголовной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции с позиции содержания принципа комплементарности Международного уголовного суда, а также в свете появления в международно-правовой практике смешанных форм уголовной юрисдикции в виде гибридных трибуналов и интернационализированных судов.

Стремление государств найти консенсус в решении целого комплекса проблем, связанных с различными международно-правовыми аспектами уголовной юрисдикции государств, подтверждается активной деятельностью Комиссии международного права (КМП) и Шестого Комитета ГА ООН по ее кодификации. Не случайно в начале тысячелетия в рамках КМП началась работа по систематизации теоретических знаний и практики государств сразу по нескольким направлениям, связанным с уголовной юрисдикцией государств: иммунитет высших должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции; экстратерриториальная юрисдикция; обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (далее — *aut dedere aut judicare*); охват и сфера применения универсальной юрисдикции; преступления против человечности.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует об актуальности глубокого комплексного исследования теоретических и практических основ уголовной юрисдикции в международном праве.

Степень научной разработанности темы. В отечественной и зарубежной международно-правовой доктрине проблемы уголовной юрисдикции государств в той или иной мере исследовались в различных аспектах.

Генезис понятия *юрисдикция* и развитие теоретических представлений о пределах действия уголовного закона и личной подсудности связан с именами российских ученых конца XIX — начала XX столетия — В.П. Давневского, П.Е. Казанского, Н.М. Коркунова, Ф. Листа, Ф.Ф. Мартенса, А. Мирлеса, Д.О. Никольского, В.Д. Спасовича, П.И. Люблинского, Н.С. Таганцева, В.А. Уляницкого и др.

Решающее влияние на формирование концептуальных основ теории юрисдикции в целом, и уголовной юрисдикции в частности, во второй половине XX века оказали труды ведущих представителей правовой науки этого времени — И.П. Блищенко, Л.Н. Галенской, Г.В. Игнатенко, И.И. Карпеца, В.А. Карташкина, Б.М. Клименко, В.Н. Кудрявцева, Л.Б. Левина, С.А. Малинина, Э.А. Пушмина, Ю.А. Решетова, А.Н. Трай-

нина, Р.А. Тузмухамедова, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова, Д.И. Фельдмана. Особо следует выделить фундаментальные исследования сущности юрисдикции, проведенные И.И. Лукашуком и С.В. Черниченко.

В современной отечественной международно-правовой доктрине общее содержание уголовной юрисдикции государств часто раскрывается через призму отдельных отраслей и институтов международного права при изучении смежных вопросов. К таким исследованиям можно отнести работы А.Х. Абашидзе, К.А. Бекашева, В.В. Гаврилова, В.С. Иваненко, А.Я. Капустина, И.И. Котлярова, Г.И. Курдюкова, С.Ю. Марочкина, Л.Х. Мингазова, А.А. Моисеева, В.Н. Русиновой, Н.А. Соколовой, О.И. Тиунова, В.Л. Толстых, Б.Р. Тузмухамедова, И.В. Федорова, О.С. Черниченко, Г.Р. Шайхутдиновой, Е.А. Шибаевой, Г.Г. Шинкаревой и др.

Основные проблемы, непосредственно связанные с установлением и практической реализацией уголовной юрисдикции государств, а также международной уголовной юрисдикции, являются предметом правового регулирования отрасли международного уголовного права. В российской международно-правовой доктрине, а также на постсоветском пространстве, данному направлению научных исследований посвятили свои труды Ю.Г. Барсегов, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев, С.В. Глотова, Э.А. Иванов, Р.А. Колодкин, Г.И. Королев, Н.И. Костенко, Л.А. Лазутин, Е.Г. Ляхов, И.С. Марусин, А.Б. Мезяев, Н.Г. Михайлов, В.А. Оганесян, И.Н. Панов, О.И. Рабцевич, К.С. Родионов, Ю.С. Ромашев, Н.А. Сафаров, А.Ю. Скуратова, И.И. Фисенко и другие исследователи.

Правовое поле уголовной юрисдикции государств в международно-правовом аспекте формируется посредством комплексного воздействия внутригосударственного и международного права, поэтому в процессе работы над диссертацией были использованы труды ученых в сфере уголовного и уголовно-процессуального права — Г.И. Богуша, А.И. Бойцова, А.Г. Волеводза, В.М. Волженкиной, Н.А. Зелинской, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальника, А.Г. Князева, Л.Л. Кругликова, В.В. Милинчук, Н.Г. Муратовой, А.В. Наумова, А.И. Рарога, Б.В. Сидорова, Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова, Е.Н. Трикоз, А.И. Чучаева и др.

Безусловно, значительный вклад в развитие теории и практики уголовной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции внесли правовые исследования зарубежных ученых, таких как: Ш. Бассиони, У. Батлер, М. Бергсмо, В. Бурк-Уайт, К. Блексли, Я. Броунли, Г. Верле, Х. Глузман, Б. Грэфрат, М. Диксон, М. Инацуми, Ш. Кавагиши, В. Калек, Л. Камерон, А. Кассезе, Г. Кельзен, Я. Крайтман, К. Кресс, Ф. Ксавье, В. Лоу, А. Майер, Д. Маккарти, Ф. Манн, Т. Ме-

рон, Д. О'Коннел, Г. Оксман, Т. Оливер, Д. Орендличер, С. Рингаэрт, К. Стаан, Д. Стиген, С. Уильямс, В. Шабас, О. Шахтер, Г. Шварценбергер, Д. Шеффер, М. Шоу, М. Экхарст и многих других.

Цели и задачи исследования. Целью диссертации является разработка концепции юрисдикции в современном международном праве, а именно выявление существующих проблем установления и реализации уголовной юрисдикции государствами и формулирование предложений по их разрешению в международно-правовом аспекте. Выбор указанной цели предопределил постановку следующих задач:

- изучить взгляды отечественных и зарубежных авторов на правовую природу юрисдикции;
- определить содержание и объем юрисдикции и выработать определение понятия юрисдикции как правового явления;
- установить соотношение правовых категорий «суверенитет», «компетенция» и «юрисдикция» государства;
- рассмотреть системообразующие критерии и обосновать место юрисдикции в системе международного права;
- предложить классификацию юрисдикции по различным основаниям;
- выявить современные тенденции применения принципов уголовной юрисдикции государств в эпоху глобализации;
- проанализировать деятельность Комиссии международного права по кодификации отдельных проблем уголовной юрисдикции государств;
- обозначить возможные формы конфликтов уголовной юрисдикции государств и рассмотреть международно-правовые способы их урегулирования на практике;
- дать правовую оценку обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*) и определить его взаимосвязь с уголовной юрисдикцией государств;
- исследовать институт иммунитетов высших должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции;
- раскрыть особенности установления и реализации уголовной юрисдикции государствами—членами Европейского Союза с учетом наднационального характера правового регулирования в данной сфере;
- обосновать соотношение уголовной юрисдикции государств с международной уголовной юрисдикцией судебных органов в контексте концепций субсидиарности и принципа комплементарности;
- внести предложения по совершенствованию российского законодательства в части закрепления основ внутригосударственной уголовной юрисдикции.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первое в отечественной науке международного права комплексное монографическое исследование теоретических аспектов юрисдикции и практических проблем установления и реализации уголовной юрисдикции государствами в контексте современного международного права.

Автором разработан ряд теоретических положений и практических рекомендаций, совокупность которых может быть квалифицирована как решение крупной научной проблемы:

- проведен анализ действующих международно-правовых и внутригосударственных актов, содержащих юрисдикционные аспекты, а также обобщены и систематизированы имеющиеся в отечественной и зарубежной доктрине взгляды относительно содержания и объема юрисдикции;
- выработана концепция правовой природы юрисдикции и изложена авторская дефиниция термина «юрисдикция» с позиции международного права;
- предложены новые критерии для классификации юрисдикции в международно-правовом аспекте;
- выявлена взаимосвязь таких понятий, как «юрисдикция», «компетенция», «суверенитет», «территориальное верховенство»;
- обосновано место юрисдикции в качестве базового субинститута в системе современного международного права;
- раскрыты особенности и выявлены основные проблемы установления и реализации юрисдикционных принципов в современную эпоху, сопряженные с перманентными конфликтами уголовной юрисдикции государств и нестандартными решениями вопросов экстрадиции;
- дана правовая оценка обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), в том числе в части его взаимосвязи с универсальной юрисдикцией государств;
- разработана классификация факторов, влияющих на определение предметной сферы охвата универсальной юрисдикции государств;
- рассмотрены модели соотношения национальной уголовной юрисдикции и международной уголовной юрисдикции судебных органов на основе концепции субсидиарности и принципа комплементарности МУС;
- выявлены проблемы применения концепции позитивной комплементарности и теста о приемлемости в практике Международного уголовного суда;
- обозначены перспективы развития международной уголовной юстиции в свете учреждения гибридных трибуналов и интернационализированных судов, в том числе под эгидой региональных организаций;

– внесены предложения по совершенствованию положений Общей и Особенной частей Уголовного Кодекса РФ, связанных с установлением и реализацией универсальной уголовной юрисдикции государства.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы:

- в качестве доктринального источника в процессе формулирования позиции Российской Федерации при подготовке международно-правовых документов, а также в деятельности международных судебных учреждений;
- во внутригосударственной правотворческой деятельности при совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации;
- в научно-образовательной деятельности при составлении учебных курсов по международному праву, а также в процессе преподавания общих и специальных курсов по международному праву, европейскому праву, международному уголовному праву, международному гуманитарному праву, международному судопроизводству и других.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания. Также автором были использованы общенаучные методы системного, структурного и функционального анализа и специальные методы исследования: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, правового моделирования и прогнозирования.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. Установлено, что в международном праве термин «юрисдикция» понимается в трех аспектах. Во-первых, как распространение суверенной власти государств-участников на какие-либо объекты или определенные участки территории, т.е. как проявление территориального верховенства; во-вторых, в качестве государственных мер в сфере противодействия транснациональным и международным преступлениям; в-третьих, как комплекс процессуальных мероприятий, входящих в компетенцию национальных и международных судебных органов.

Отсутствие нормативного определения и вариативность использования в международно-правовых актах обуславливает наличие широкого и узкого толкования термина *юрисдикция* в доктрине. При расширительном толковании юрисдикция отождествляется с компетенцией – комплексом полномочий государства. В узком значении юрисдикция рассматривается как сфера регулирования общественных отношений или ограничена правоприменительной деятельностью.

2. В настоящее время понимание юрисдикции как правовой характеристики исключительно государства представляется ограниченным. Выработана следующая дефиниция: *юрисдикция – свойство субъектов меж-*

дународного права, выражающееся в осуществлении правового регулирования отношений и возможности его обеспечения посредством принятия мер исполнительного и принудительного характера.

3. Наиболее дискуссионным в международно-правовой доктрине является вопрос о разграничении юрисдикции по критерию ее содержания, на основании которого выделяют только два вида юрисдикции — предписывающую и правоприменительную, при этом последняя охватывает исполнительную и судебную юрисдикции. Обосновано, что судебная юрисдикция связана не только с правоприменительным процессом, так как деятельность как государственных, так и международных судебных органов направлена также на толкование нормативных документов по запросам с вынесением заключений, которые могут рассматриваться как результат правотворческой деятельности. Поэтому судебная и исполнительная юрисдикции должны восприниматься как относительно самостоятельные формы юрисдикции. При этом судебная юрисдикция соотносится с исполнительной лишь частично и в отдельных случаях может рассматриваться как юрисдикция предписывающая.

4. отождествление исполнительной юрисдикции с принудительными мерами (*jurisdiction to enforce*) ограничивает объем ее действия. Аргументировано, что деятельность государственных органов в отдельных случаях осуществляется в позитивном аспекте и не всегда связана с применением механизма принуждения. В этой связи следует проводить классификацию юрисдикции не только в зависимости от ее содержания или объема, но также по способу реализации.

5. Выделены основания и предложена следующая классификация юрисдикции:

- по субъекту — международная и государственная;
- по объему — полная и ограниченная.
- по содержанию — предписывающая (материальная) и правоприменительная (процессуальная);
- по способу реализации — судебная, исполнительная и принудительная;
- по характеру регулируемых отношений — административная, гражданская и уголовная;
- по действию в пространстве — территориальная и экстратерриториальная;
- по характеру власти — законодательная, исполнительная (административная) и судебная;
- по действию норм права по кругу лиц — персональная и универсальная.

6. Выявлены основные системообразующие критерии для классификации отраслей и институтов в структуре международного права. Установлено, что комплекс норм, регулирующих международно-правовые аспек-

ты юрисдикции, следует относить к базовым (сквозным, общесистемным) институтам международного права.

7. В работе обоснована эволюционная модель развития основных принципов уголовной юрисдикции государств. Территориальная юрисдикция продолжает оставаться базовой при разрешении вопросов установления и осуществления уголовной юрисдикции государств, между тем существует тенденция к расширению ее общепринятого толкования в отношении ряда конкретных составов преступлений, совершенных вне пределов территории государства юрисдикции, но которые имеют для него существенные отрицательные последствия. Установлена целесообразность выделения в рамках территориальной юрисдикции трех самостоятельных принципов — субъективной территориальности, объективной территориальности и «эффекта» (последствий).

8. С учетом существующих рисков расширительной трактовки принципа универсальности в национальной судебной практике обоснована необходимость ускорения процесса кодификации в рамках ООН единых стандартов относительно следующих вопросов: определения пределов действия универсальной юрисдикции и возможности уголовного преследования *in absentia*; установления предметной сферы охвата универсальной юрисдикции; правового основания универсальной юрисдикции (договор или обычай); соотношения с альтернативой *aut dedere aut judicare*; разграничения универсальной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции; о вспомогательном (субсидиарном) характере универсальной юрисдикции; гармонизации основных процессуальных аспектов применения принципа универсальности и др.

9. Выявлено три концепции предметной сферы охвата универсальной юрисдикции: а) на основании международно-правового обычая (пиратство и работорговля); б) на основании обязательств *erga omnes* в связи с нарушением императивных норм *jus cogens* (помимо пиратства и работорговли — агрессия; геноцид; военные преступления; преступления против человечности; применение пыток; апартеид; незаконный захват воздушных судов); в) в привязке к альтернативе «выдай или суди» (*aut dedere aut judicare*), закрепленной в многочисленных договорах по борьбе с международными и транснациональными преступлениями.

10. Аргументирован вывод, что для определения предметной сферы действия универсальной юрисдикции следует:

- учитывать, что составы большинства тяжких преступлений предусмотрены конвенционным правом, поэтому обязательство в части судебного преследования, наказания за их совершение или экстрадиции действует только в отношении государств-участников. В этой связи не

следует воспринимать универсальную юрисдикцию в привязке к альтернативному обязательству *aut dedere aut judicare*;

— исходить из классического понимания сути принципа универсальности, который изначально был рассчитан на его применение вне пределов государственной юрисдикции и состоял в преследовании лиц, признанных *hosti humanis generis* большинством государств мирового сообщества.

Обоснована необходимость закрепления на национальном уровне соответствующей компетенции судебных органов в отношении конкретных составов преступлений на основании принципа универсальности.

11. Установлены различия универсальной юрисдикции государств и обязательства *aut dedere aut judicare*, не позволяющие отождествлять сферу их действия.

Универсальная юрисдикция:

- это право государства;
- основана на обычном или договорном международном праве;
- связана с установлением юрисдикции государства и не всегда требует присутствия обвиняемого (*in absentia*);
- применяется к ограниченной группе преступлений по общему международному праву;
- является исключительной юрисдикцией, которая может быть осуществлена при определенных обстоятельствах всеми государствами.

Обязательство aut dedere aut judicare:

- это альтернативное международно-правовое обязательство;
- имеет договорно-правовую основу;
- требует присутствия обвиняемого на территории государства юрисдикции;
- применяется в отношении широкого круга конвенционных и транснациональных преступлений;
- действует только в отношении государств—участников договора.

12. Привязка универсальной юрисдикции Российской Федерации к международным договорам неоправданно сужает сферу ее применения. В свете тенденции признания *opinion juris* отдельных преступлений в качестве преступлений по общему международному праву предложено пересмотреть те положения УК РФ, которые сопряжены с применением универсальной юрисдикции, а именно:

— включить в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ статьи, содержащие составы преступлений против человечности, взяв за основу результаты работы Комиссии международного права ООН по их кодификации;

— дополнить часть 3 статьи 12 УК РФ словами: «если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества» и изложить в следующей редакции:

«Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, *если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества*, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации».

13. Установлено существование трех видов коллизии уголовной юрисдикции государств с учетом различных правооснований юрисдикции: а) конфликт территориальной юрисдикции из-за привязки к месту совершения преступления; б) конфликт экстратерриториальной юрисдикции, основанной на разных принципах; в) конфликт экстратерриториальной и территориальной юрисдикции.

Государство в рамках международного права может применять свою юрисдикцию в отношении преступления, совершенного за пределами его территории, независимо от гражданства объекта юрисдикции, однако в этом случае юрисдикция будет носить лишь предписывающий характер. Юрисдикция в отсутствие обвиняемого (*in absentia*) является ограниченной и нивелирует достижение основной цели осуществления уголовной юрисдикции — обеспечения неотвратимости наказания. Доказано, что решающим фактором, влияющим на разрешение коллизии уголовной юрисдикции государств, является фактическое местонахождение преступника.

14. Обоснована ошибочность восприятия универсальной юрисдикции государств в качестве международной уголовной юрисдикции, обусловленное совпадением трех характеризующих их элементов — предметной сферой действия, целью обеспечения неотвратимости наказания за совершение тяжких преступлений по международному праву, а также общей функцией заполнения «пробелов» в осуществлении уголовного преследования, наличием дополнительного, субсидиарного характера. Доказано, что эти понятия не являются идентичными: *универсальная юрисдикция* основана на государственном суверенитете, закрепляется во

внутреннем законодательстве с учетом особенностей правовой системы и правовой культуры государства и должна реализовываться с учетом соблюдения иммунитетов высших должностных лиц иностранных государств; *международная юрисдикция* осуществляется международными судебными учреждениями на договорной основе, либо в соответствии с решением международной организации, ее реализация не ограничена персональными и функциональными государственными иммунитетами.

Сформулирован тезис о недопустимости толкования универсальной юрисдикции в качестве международной юрисдикции, которое предоставляет возможность использовать подобную концепцию конкретным государством для реализации собственных политических интересов.

15. Выявлено два основных способа реализации принципа комплементарности в практике Международного уголовного суда: проведение теста о приемлемости и применение концепции позитивной комплементарности. Установлено, что на современном этапе функционирования МУС основными проблемами реализации принципа комплементарности с применением теста о приемлемости является неоднозначное толкование критериев *неспособности и нежелания* государства осуществлять юрисдикцию, а также оценка осуществления национальной юрисдикции *должным образом*, что является объективным основанием для свободной интерпретации принципа комплементарности представителями судебного корпуса МУС.

16. Обосновано, что достижению основной цели международного правосудия — недопущению безнаказанности за совершение тяжких преступлений по международному праву, в значительной степени может способствовать интернационализация национальных судов и учреждение гибридных трибуналов. Смешанная модель юрисдикции, сочетающая в себе национальные и международные компоненты, отличается значительными особенностями — механизмом судопроизводства, определением мер наказания, применимостью к конкретной ситуации и др. Среди несомненных достоинств гибридных форм международного уголовного правосудия — оперативность, доступность доказательственной базы, возможность учета особенностей национальной правовой системы, доверительное отношение местного населения.

17. На практике сложилось две формы создания гибридных трибуналов: по инициативе ООН (в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН) и по инициативе региональных организаций, примером которого является учреждение в 2013 г. Чрезвычайных африканских палат (ЧАП) при содействии Африканского союза (АС). Формирование ЧАП создает прецедент регионального подхода к интернационализации нацио-

нальной юрисдикции и требует согласованного международно-правового регулирования на универсальном уровне. В этих целях сформулировано предложение о разработке и принятии в рамках ООН минимальных стандартов для организации смешанного уголовного судопроизводства в форме Типового соглашения международной организации (ООН или региональной межправительственной организации) с заинтересованным государством и Типового Устава судебного учреждения смешанного типа.

Модель гибридной уголовной юрисдикции может применяться в отношении массовых и грубых нарушений норм международного гуманитарного права и прав человека, а также в целях преследования за совершение пиратства или преступлений международного терроризма.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация была обсуждена на кафедре международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета и рекомендована к защите.

Отдельные выводы диссертационного исследования были доложены соискателем на заседаниях «круглых столов», международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, в том числе на ежегодных собраниях Российской ассоциации международного права (г. Москва), Мартенсовских чтениях, проводимых под эгидой Международного комитета Красного Креста (г. Санкт-Петербург), ежегодном Петербургском международном юридическом форуме (г. Санкт-Петербург), ежегодных межвузовских конференциях, организованных на базе Казанского федерального университета и других российских высших учебных заведений.

Основные теоретические и практические результаты диссертации были изложены в научных публикациях автора: четырех монографиях; двух учебных пособиях; учебниках, курсах лекций и коллективных монографиях; тезисах докладов научных конференций и научных статьях, двадцать из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (общий объем публикаций составляет более 110 п.л.).

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе подготовки и проведения лекций на юридическом факультете Казанского (Приволжского) федерального университета по следующим учебным курсам: международное право; европейское право; международное уголовное право, международное уголовное судопроизводство и права человека.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, пяти разделов, включающих семнадцать подразделов, заключения, трех приложений и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность темы исследования, степень ее разработанности в доктрине международного и внутригосударственного права, определяются цель и задачи диссертации, ее научная новизна и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первый раздел **«Теоретические проблемы института юрисдикции и его место в системе международного права»** состоит из пяти подразделов, в совокупности дающих представление о позиции автора относительно правовой природы и содержания юрисдикции.

В первом подразделе проводится подробный анализ норм действующего международного права, а также основных научных трудов о понятии и сущности юрисдикции.

Исследование международных соглашений универсального и регионального уровня, содержащих юрисдикционные аспекты, позволило автору сделать вывод, что термин *юрисдикция* в договорном праве, как правило, используется в определенном контексте, что предполагает возможность его наполнения новым содержанием для каждого конкретного договора. Подобная вариативность в употреблении термина в договорах влечет за собой расширительное и ограничительное толкование содержания юрисдикции в международно-правовой доктрине.

В случае расширительного толкования юрисдикции она отождествляется с компетенцией (государства), что представляется ошибочным. Для решения вопроса о соотношении двух феноменов автор предлагает обратиться к механизму реализации компетенции государства через основные направления его деятельности. Большинство российских и зарубежных ученых подразумевают под такими направлениями внутренние и внешние функции государства. Подчеркивается, что реализация внутренних функций государства в рамках его компетенции, как правило, связана с установлением и осуществлением юрисдикции (кроме идеологической и отчасти политической и экономической функций), однако применительно к внешним функциям государства в сфере международных отношений термин *юрисдикция* не всегда будет приемлемым.

В диссертации отмечается, что в международно-правовой доктрине существует два подхода, ограничивающие сущность юрисдикции. В основу первого подхода заложено ее восприятие в качестве правоприменительной деятельности, что является следствием этимологии термина *юрисдикция* и значением ее практической реализации, в этом случае в содержание юрисдикции вкладывается лишь процессуальный аспект. Во

втором случае она отождествляется со сферой действия материального права в пространстве, во времени и по кругу лиц, при этом в содержание юрисдикции вкладывается только ее позитивный аспект, и она рассматривается как возможность государства предписывать правила поведения в пределах своей компетенции.

Обосновывается, что ограничение юрисдикции лишь сферой правового регулирования определенного рода общественных отношений оставляет за рамками ее содержания элемент обеспечения правовых норм, а отождествление юрисдикции только с правоприменительной деятельностью не раскрывает в полной мере ее механизм и не соответствует объективным законам теории права, где создание правовых норм является первичным.

Влиянию классификации юрисдикции на формирование ее концепции посвящен второй подраздел. Соискатель отмечает отсутствие единства в международно-правовой доктрине относительно существующих оснований и подходов для классификации видов юрисдикции, в то время как достижение консенсуса по этому вопросу имеет практическое значение с точки зрения восприятия и наполнения термина *юрисдикция* конкретным юридическим содержанием.

В диссертации анализируются особенности соотношения и выявляются различия предписывающей и правоприменительной юрисдикции, исполнительной и судебной, исполнительной и принудительной. Соответствующие выводы изложены в положениях, выносимых на защиту. Выделены основания и предложена авторская классификация видов юрисдикции.

Третий подраздел направлен на раскрытие содержания государственной юрисдикции в аспекте суверенитета и территориального верховенства. Поскольку понятия *юрисдикция* и *суверенитет* достаточно часто используются в доктрине как синонимичные, автор считает, что их корреляцию лучше всего демонстрирует анализ существующих концепций «абсолютного» и «ограниченного» суверенитета. По итогам исследования делается заключение, что в отечественной доктрине международного права соотношение данных признаков государства сводится к следующей формуле: юрисдикция — один из элементов территориального верховенства государства, которое, в свою очередь, является составной частью его суверенитета. Территориальное верховенство шире понятия юрисдикции, однако юрисдикция не ограничивается территориальным верховенством государства и в ряде случаев выходит за пределы его территории.

Одним из прав государства, вытекающих из его суверенитета, является возможность регулирования общественных отношений при помощи из-

дания нормативных актов и способность добиваться их соблюдения посредством применения мер исполнительного и принудительного характера, иначе говоря, осуществлять юрисдикцию. Юрисдикция государства может быть в ряде случаев ограничена, что не дает оснований утверждать об ограничении государственного суверенитета в целом.

В четвертом подразделе автор обращается к вопросу о том, насколько юрисдикционная компетенция межправительственной организации сопоставима с государственной юрисдикцией. В диссертации отмечается, что юрисдикционная компетенция международных организаций тесно связана с качеством наднациональности, которое в современную эпоху рассматривается в большинстве своем применительно к Европейскому Союзу.

Взяв за основу исследования концепции наднациональности, приведенные в трудах отечественных и зарубежных ученых, соискатель подчеркивает, что несмотря на противоречивость существующих подходов к восприятию ее правовой природы, ряд элементов наднациональности выделяется всеми авторами, и среди них — возможность органов международной организации принимать юридически обязательные для государств решения, иначе говоря, осуществлять предписывающую юрисдикцию. Безусловно, принятие подобных решений не должно выходить за рамки предметной компетенции такой организации.

Реализацию же правоприменительной юрисдикции межправительственной организации, по мнению автора, следует связывать с осуществлением ее оперативных и контрольных функций. При этом правоприменительная юрисдикция международной организации может быть разграничена на исполнительную, судебную и принудительную, где исполнительная юрисдикция проявляется в процессе оперативного руководства действиями государств—участников, судебная реализуется чаще всего путем включения судебного органа в институциональную структуру организации, а принудительная — посредством задействования санкционных механизмов.

Проблема определения места юрисдикции в системе современного международного права явилась предметом исследования пятого подраздела данной части диссертации. Обращаясь к данному вопросу, автор констатирует, что в современных работах отсутствуют какие-либо общепризнанные критерии построения системы международного права, и существующие позиции можно проследить лишь по монографическим трудам и учебным курсам международного публичного права. При этом отмечается, что больше всего дискуссий вызывает проблема разграничения международного права на составляющие его отрасли и институты.

В работе рассматриваются альтернативные модели определения места юрисдикции в структуре международного права. Устанавливается, что стандарты, общепринятые для классификации отраслей в международном праве, не применимы для такой правовой категории, как юрисдикция. В то же время автором выделяются следующие особенности, характеризующие общесистемный институт международного права: исполнение функции «несущей конструкции» структуры международного права; разрозненность и отсутствие элемента системности в комплексе норм, применяемого для характеристики общесистемного института; четкое определенное функциональное назначение. Делается вывод, что комплекс норм, регулирующих международно-правовые аспекты юрисдикции, следует рассматривать в качестве общесистемного, базового субинститута (супраинститута) современной системы международного права.

Основными итогами первого раздела диссертации явились: разработка авторской концепции юрисдикции в международно-правовом аспекте, проведение классификации и установление взаимосвязи видов юрисдикции, а также обоснование юрисдикции в качестве базового субинститута международного права.

Во втором разделе «**Основные принципы уголовной юрисдикции государств: эволюционная модель развития**», диссертант обращается к исследованию тенденций развития базовых правооснований установления и реализации собственно уголовной юрисдикции государств в международно-правовом аспекте. Раздел разграничен на четыре подраздела.

В первом подразделе дается общая характеристика основных принципов уголовной юрисдикции государств с учетом внутригосударственного и международного правового регулирования. Указывается на их особое значение, поскольку именно они определяют пределы государственной власти в сфере управления и принуждения, разграничивают компетенцию государств и других участников международного общения. Автор подчеркивает, что под воздействием расширения и углубления международного сотрудничества принципы уголовной юрисдикции постепенно трансформируются, обретая современную форму в международных договорах.

Тенденции развития территориальной уголовной юрисдикции государства раскрываются во втором подразделе данной части диссертации. На основе анализа норм международного права и внутригосударственного законодательства определяется содержание территориальной и квазитерриториальной уголовной юрисдикции государств, обосновываются изъятия из-под юрисдикции. Делается вывод, что территориальная юрисдикция

продолжает оставаться базовой при разрешении вопросов установления и осуществления уголовной юрисдикции, в то же время в последнее время практика подтверждает общую тенденцию к расширению ее общепринятого толкования в отношении ряда конкретных видов преступлений, совершенных за границей, которые имеют серьезные последствия для государства юрисдикции.

В диссертации подробно анализируется правовая природа объективной территориальности и доктрины «эффекта» (последствий). Несмотря на существующие в доктрине представления относительно их тождественности, автор полагает, что они должны рассматриваться в качестве самостоятельных принципов территориальной юрисдикции, поскольку, в отличие от объективной территориальности, специфика доктрины «эффекта» состоит в том, что последствия деяния для государства юрисдикции возникают независимо от присутствия элемента поведения на его территории. Сделанный вывод подтверждается анализом внутригосударственного законодательства ряда стран, а также положениями определенной части специализированных конвенций по борьбе с транснациональными преступлениями, преимущественно экономического характера. Учитывая формирующуюся тенденцию расширения толкования территориальной юрисдикции в доктрине и на практике, диссертант считает целесообразным выделить в ее рамках трех самостоятельных принципов — субъективной территориальности, объективной территориальности и «эффекта» (последствий).

Эволюция основных принципов уголовной юрисдикции государств во многом является проявлением фактора глобализации, к негативным элементам которого относится общий рост транснациональной преступности. *Этой проблеме посвящен третий подраздел о правовых основах экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮРИДИКЦИИ ГОСУДАРСТВА.*

Утверждается, что применительно к экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ ЮРИДИКЦИИ государства большое практическое значение приобретает разграничение ее на три составляющих компонента, выражающихся в возможности предписывать правила поведения (законодательная юрисдикция); определять правомерность такого поведения (судебная юрисдикция) и обеспечивать соблюдение двух первых элементов (исполнительная юрисдикция). Все три составляющих в совокупности образуют единый правовой механизм государственной власти, который в полном объеме может функционировать только в пределах территории государства. Поэтому в интересах последнего закрепить потенциальную возможность осуществления юрисдикции в отношении любой категории дел и любых вероятных ситуаций. Правомерное с точки зрения внутригосударственного и

международного права осуществление законодательной юрисдикции является предварительным условием надлежащего осуществления судебной или исполнительной юрисдикции.

Помимо адекватного правового закрепления принципов осуществления экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ уголовной юрисдикции, государствам следует беспрекословно выполнять свои обязательства в сфере обеспечения защиты прав человека и основных свобод при ее реализации, что является неперенным условием международно-правовых стандартов в области защиты прав человека. В целях обеспечения верховенства права при осуществлении экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ уголовной юрисдикции государства призваны придерживаться нескольких базовых правил, выявленных диссертантом в процессе исследования: законодательство должно быть транспарентным, четко прописанным и понятным; закон должен применяться ко всем лицам в равной степени, не носить избирательного характера; должно быть обеспечено право на справедливое судебное разбирательство; суды должны быть полностью беспристрастны и независимы от действий законодательных, исполнительных и иных ветвей власти.

Принимая отдельные меры процессуального характера, государства обязаны гарантировать соблюдение основных принципов уголовного процесса: равенства; гласности судебного разбирательства; осуществления правосудия только судом; права на защиту; *non bis in idem*; *nullum crimen sine lege*; *nulla poena sine lege*; отсутствия обратной силы закона; презумпции невиновности и др.

В рамках работы раскрываются генезис и развитие принципов активного гражданства, пассивного гражданства и защиты. Выявляются противоречия по их закреплению в национальном уголовном законодательстве государств в аспекте необходимых условий их применения: требование двойной криминализации и наличие двойного гражданства (принцип активного гражданства); возможность расширительного толкования и охват составов преступлений (принцип пассивного гражданства); отсутствие законодательного закрепления объема национальных интересов и безопасности государства (принцип защиты).

Отдельное внимание в исследовании уделяется правовым основаниям возбуждения Следственным комитетом РФ уголовных дел по событиям на Украине 2014 г. с точки зрения соотношения принципов защиты и универсальности. Автор полагает, что, с учетом действующей Стратегии национальной безопасности РФ, более приемлемым для инициирования уголовного производства в отношении военных преступлений, совершенных гражданами Украины на Юго-Востоке этой страны, является принцип защиты.

Значительную часть в диссертации занимает анализ существующих проблем правового регулирования и современной практики реализации универсальной юрисдикции государств, представленный в **четвертом подразделе** рассматриваемого блока работы.

Универсальная юрисдикция — это самый спорный юридический феномен в механизме государственной юрисдикции. Отмечается, что в настоящее время в международно-правовой практике выявлено несколько дефиниций термина *универсальная юрисдикция*, которые употребляются в едином значении, но с акцентами на разные характеристики этого явления: отсутствие необходимости наличия связи с государством суда; характер и тяжесть преступления; необходимая компетенция суда; привязка к договорам, содержащим обязательство *aut dedere aut judicare*. Общим является мнение об отсутствии в случае принципа универсальности объективной связи между преступлением и государством юрисдикции, что позволяет выделить универсальную юрисдикцию в качестве самостоятельного вида юрисдикции.

Автор подчеркивает, что отсутствие в современной практике четко прописанных на международно-правовом уровне механизмов применения принципа универсальности порождает множество политических разногласий, а также вопросов юридического свойства. Среди них определение диапазона преступлений, подпадающих под действие принципа универсальности; проблема иммунитетов должностных лиц государства; возможность злоупотреблений и использования «двойных стандартов» со стороны национальных судов при применении принципа; его связь с альтернативой *aut dedere aut judicare*; вопрос о соотношении универсальной юрисдикции и юрисдикции международных уголовных судебных органов и др.

Реализация универсальной юрисдикции государствами, как правило, всегда имеет широкий международный резонанс и, несмотря на рост количества дел, возбужденных в национальных судах на основе принципа универсальности, этот процесс проходит далеко не безболезненно. Один из самых острых вопросов в контексте универсальной юрисдикции — возможность использования политики «двойных стандартов» при ее осуществлении. С этой стороны диссертант критически оценивает современную практику применения универсальной юрисдикции компетентными органами некоторых европейских стран в отношении высших должностных лиц ряда государств.

Отдельное внимание уделяется правовым механизмам применения универсальной юрисдикции в Российской Федерации на основе анализа уголовного законодательства нашей страны.

В диссертации обобщены имеющиеся в российской и зарубежной международно-правовой доктрине взгляды относительно правовой природы универсальной юрисдикции, проанализированы международные и внутригосударственные акты относительно ее правового закрепления, изучена национальная и международная судебная практика. Особое значение придается процессу кодификации вопроса «Охват и применение принципа универсальной юрисдикции», который ведется в рамках ООН с 2009 г.

Многие выводы и рекомендации по итогам данного подраздела, в том числе по совершенствованию уголовного законодательства РФ, сформулированы автором в качестве положений, выносимых на защиту.

В рамках третьего раздела **«Международно-правовые аспекты уголовной юрисдикции государств»** анализируется ряд актуальных международно-правовых проблем, связанных с уголовной юрисдикцией государств.

В первом подразделе рассматривается генезис и развитие процесса кодификации уголовной юрисдикции в международном праве. Отмечается несомненный вклад ряда институтов и ведущих ученых по неофициальной кодификации международно-правовых аспектов юрисдикции. Также подчеркивается непреходящее значение официальной кодификации, проводимой в рамках международных организаций, в том числе под эгидой ООН.

Среди общих тем, затрагивающих отдельные аспекты юрисдикции и находящиеся на рассмотрении Комиссии международного права ООН (КМП), диссертант анализирует вопросы, непосредственно посвященные уголовной юрисдикции, в разное время включенные в программу работы КМП: формулирование Нюрнбергских принципов; вопрос о международной уголовной юрисдикции (проект Статута международного уголовного суда); проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества; определение агрессии; обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*); иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции; преступления против человечности.

В процессе исследования затрагивается существующая проблема эффективности деятельности КМП и отмечается, что многие задачи по созданию международно-правовых документов остаются нерешенными. Этот факт подтверждает завершение в 2014 г. работы Комиссии над темой «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)» без представления проекта статей по теме, как изначально было запланировано.

Далее соискатель непосредственно переходит к проблемам, которые обсуждались или находятся на рассмотрении Комиссии в последние

годы. Это тема об иммунитетах высших должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, а также вопрос об альтернативе *aut dedere aut judicare*. Данной проблематике посвящены второй и третий подразделы этой части диссертации.

Во **втором подразделе** анализируются теории происхождения международно-правовых иммунитетов, отмечается, что повышенный интерес со стороны международного сообщества к проблемам иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции возник в преддверье третьего тысячелетия в связи с участвовавшей национальной практикой применения экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ и универсальной юрисдикции.

В контексте работы КМП иммунитет должностного лица от иностранной уголовной юрисдикции обладает следующими характеристиками: подразумевает неосуществление уголовной юрисдикции государством; является следствием присутствия иностранного элемента, который классифицируется как должностное лицо третьего государства; имеет процессуальную сущность и не затрагивает ни материально-правовые нормы государства, обладающего юрисдикцией, ни индивидуальную уголовную ответственность лица. Данные элементы аккумулировались в определении, представленном на рассмотрение Комиссии в процессе работы над проектом статей по теме иммунитетов должностных лиц государства: «иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции означает защиту, которой обладают определенные должностные лица, перед осуществлением уголовной юрисдикции со стороны судей и судов третьего государства» (документ ООН A/CN.4/661 от 4 апреля 2013 г. с.18). По мнению соискателя, данное определение не в полной мере отражает сущность данного явления. Приводится следующее определение: *иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции* можно рассматривать, как освобождение должностных лиц государства от осуществления уголовной юрисдикции со стороны исполнительных и судебных органов третьего государства.

Как свидетельствует международная и национальная судебная практика, краеугольным камнем сферы применения иммунитетов должностных лиц государства является проблема пределов действия иммунитетов и возможности их ограничения. Данная проблема включает в себя несколько аспектов: период, в течение которого лицо обладает иммунитетом; охват деяний должностного лица государства, на которые распространяется иммунитет; место совершения преступления и место нахождения должностного лица государства в момент осуществления иностранной уголовной юрисдикции; взаимное признание иностранных государств и

правительств, пришедших к власти неконституционным путем, а также правительств в эмиграции.

Третий подраздел посвящен проблеме урегулирования коллизии уголовной юрисдикции государств и вопросам экстрадиции, в том числе обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*). Существование в международном праве различных правооснований уголовной юрисдикции неизбежно предполагает конкуренцию уголовной юрисдикции государств, которая возникает в случаях: конфликта территориальной юрисдикции из-за привязки к месту совершения преступления; конфликта экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ юрисдикции, основанной на разных принципах; конфликта экстра TERRИТОРИАЛЬНОЙ и территориальной юрисдикции.

Отмечается, что конкуренция юрисдикции не противоречит международному праву. Разрешение коллизии юрисдикции требует достижения той или иной формы согласия между заинтересованными государствами относительно предпринимаемых мер, поэтому конфликты юрисдикции в результате одновременного действия нескольких правовых основ юрисдикции обычно разрешаются на основании двусторонних или многосторонних международных договоров. В то же время, учитывая наличие в международном праве разных видов и принципов юрисдикции, а также принимая во внимание различия правовых механизмов установления и реализации юрисдикции, разрешить все вероятные случаи конкуренции на договорном уровне представляется проблематичным.

Исследуются принципы по урегулированию конфликтов юрисдикции, содержащие первичные и вторичные критерии для определения преимуществ уголовной юрисдикции государства в случае конкуренции, разработанные в международно-правовой доктрине, а также в рамках международных неправительственных организаций. В частности, в Руководящих принципах по урегулированию конфликтов юрисдикции, разработанных под эгидой Международной ассоциации прокуроров в 2009 г. рекомендуется в первую очередь обращать внимание на следующие вопросы: под чьей юрисдикцией произошло преступление; где наиболее реально осуществлять расследование; каковы правооснования юрисдикции; существуют ли международные договорные обязательства (в частности альтернатива *aut dedere aut judicare*). В случае отсутствия последних критериями, определяющими приоритет уголовной юрисдикции, являются: определение места совершения преступления; место нахождения и сбора доказательственной базы; роль полицейских служб в проведении расследования; личность подозреваемого; наличие договора об оказании правовой помощи и выдаче преступников и многие другие обстоятель-

ства. Делается вывод, что решающим фактором, влияющим на разрешение коллизии уголовной юрисдикции государств, является фактическое местонахождение преступника.

Преимущество территории не исключает существование конфликта юрисдикций и неизбежно влечет за собой возникновение вопросов процессуального характера, в том числе об экстрадиции обвиняемого. В этом контексте в подразделе рассматривается обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*).

С начала нового тысячелетия повышенное внимание к юридическому содержанию принципа *aut dedere aut judicare* и его практической реализации во многом связано с активизацией деятельности международных террористических объединений, возрастанием количества международных и внутренних вооруженных конфликтов, в результате которых массово и грубо нарушаются права человека и, как следствие, с пересмотром всей международно-правовой концепции права предоставления убежища.

Диссертант подробно анализирует результаты работы Комиссии международного права относительно обязательства *aut dedere aut judicare* через призму четырех базисных нормативных элемента, образующих основное правовое содержание альтернативы: источника происхождения обязательства; определения первичности одной из частей альтернативы над другой; установления сферы охвата, или круга преступлений, охватываемых обязательством; возможности передачи лица под юрисдикцию какого-либо международного уголовного судебного органа (третья альтернатива).

Четвертый раздел «Соотношение уголовной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции» посвящен некоторым вопросам взаимоотношения юрисдикции национальных и международных уголовных судебных органов.

В первом подразделе проводится разграничение между международной уголовной юрисдикцией и универсальной юрисдикцией государств с учетом концепции субсидиарности.

В последнее время понятие *международная уголовная юрисдикция* часто отождествляется с универсальной юрисдикцией государств. Диссертант ставит под сомнение обоснованность такой позиции и приводит аргументы, с помощью которых указывает на ее несостоятельность. По мнению автора, отождествление универсальной юрисдикции государств и международной уголовной юрисдикции объясняется тремя основными факторами: предметной сферой охвата, основной целью обеспечения неотвратимости наказания за совершение тяжких преступлений по международному праву, а также общей функцией заполнения «пробелов»

в осуществлении уголовного преследования, наличием дополнительного, субсидиарного характера. Между тем эти понятия не являются идентичными или взаимозаменяемыми.

В процессе исследования анализируется концепция субсидиарности, отмечается, что она применяется в настоящее время в международно-правовой доктрине и в национальной практике для характеристики вспомогательного характера универсальной и международной юрисдикции по отношению к юрисдикции государств, основанной на базовых принципах территориальности, персональности и защиты. В силу отсутствия правового закрепления на международном договорном уровне концепцию субсидиарности следует рассматривать в качестве общего инструмента, «фундамента», на который опираются взаимоотношения национальной и международной уголовной юрисдикции, выстраиваются и дифференцируются их определенные модели.

Второй подраздел «Принцип комплементарности Международного уголовного суда как модель соотношения национальной и международной юрисдикции» посвящен анализу современной практики реализации принципа через механизм позитивной комплементарности и посредством применения теста о приемлемости.

Рассматривая соотношение юрисдикции национальных и международных уголовных судебных органов, автор останавливается на разграничении «горизонтального» (*inter-state*) и «вертикального» (*supra-state*) уровней взаимосвязи, которое возникло четверть века назад в связи с учреждением в начале 90-х годов прошлого столетия международных уголовных трибуналов *ad hoc* для преследования лиц, виновных в совершении тяжких международных преступлений на территории бывшей республики Югославии (МТБЮ) и Руанды (МУТР). Указывается, что принципиально новой формой «вертикальных» взаимоотношений международных и национальных органов уголовной юстиции стала корреляция правовых порядков Международного уголовного суда и государств-участников Римского Статута на основе принципа комплементарности.

В работе подробно анализируются история разработки формулы комплементарности и содержание основных положений Статута МУС, отражающих важнейшие нормативные элементы принципа (преамбула, ст.ст.1; 17; 18; 19; 20; 53). Обосновывается, что принцип комплементарности наиболее ярко проявляется на первом этапе судебного разбирательства, которым является возбуждение расследования и определение приемлемости дела к производству Судом, а главным внутренним органом в структуре МУС, запускаящем механизм принципа комплементарности, является Канцелярия (Офис, Бюро) Прокурора.

В 2009 г. в рамках Канцелярии Прокурора МУС была утверждена Стратегия обвинения, согласно которой принцип комплементарности имеет два измерения: один — связанный с тестом о приемлемости, а второй — с концепцией «позитивной» комплементарности, применяемой в качестве политики активного сотрудничества, нацеленной на стимулирование национальной юрисдикции. Концепция позитивной комплементарности была включена в официальные документы и вошла в повестку дня Конференции государств-участников по обзору Римского статута, проведенной в Кампале с 31 мая по 11 июня 2010 г., а также получила отражение в принятых впоследствии стратегических планах деятельности Канцелярии Прокурора на 2012-2015 и 2016-2018 гг.

Диссертант обращает внимание на присутствующие в доктрине критические оценки политики позитивной комплементарности. Отмечается, что в сочетании с текущей практикой *self-referral* (когда государства сами передают ситуацию на рассмотрение МУС, отказываясь тем самым от комплементарности Суда — А.К.) механизм позитивной комплементарности создает риски нарушения принципа беспристрастности судебного разбирательства и соблюдения процессуальных прав обвиняемых на национальном уровне.

Значительную часть подраздела занимает обзор существующей практики применения *теста о приемлемости МУС* (по состоянию на декабрь 2015 г.).

В диссертации детально анализируются имеющиеся апелляции относительно правомерности принятия дела к производству в Суде в соответствии со ст.17 Римского Статута, определяющей порядок действия принципа комплементарности. Устанавливается, что большинство рассмотренных обращений (ситуации в Кении, Ливии и Кот-д'Ивуаре) связаны с прохождением теста о приемлемости «*same person/same conduct*» («этот человек/это же деяние» — А.К.). Данный тест применяется Судом для оценки того, действительно ли государство предпринимает должные и конкретные меры для осуществления уголовного преследования лица в связи с теми же деяниями, которые являются основанием для возбуждения судопроизводства в МУС, независимо от их уголовно-правовой квалификации в стране. Автор полагает, что поскольку, согласно ст.19 (п.1) Статута, Суд своим собственным решением определяет приемлемость дела, а государству приходится доказывать наличие и достоверность внутреннего расследования, то риски субъективного подхода со стороны судебного корпуса МУС при оценке комплементарности очень высоки.

Кроме того, одной из основных проблем несовершенства юридических формулировок и свободной интерпретации принципа комплемен-

тарности Суда диссертант считает возможность применения «двойных» стандартов, что придает судебному процессу политический характер и является неприемлемым.

В целом анализ современной практики МУС и международно-правовой доктрины свидетельствует, что реализация принципа комплементарности содержит в себе немало сложных правовых и политических вопросов, среди которых: толкование критериев *неспособности и нежелания* государства осуществлять юрисдикцию, а также оценка осуществления национальной юрисдикции *должным образом*; адекватные стандарты и сроки проведения теста о приемлемости дела к производству; возможность восприятия концепции позитивной комплементарности в качестве инструмента давления на государства со стороны МУС и влияния на процесс национального разбирательства; оценка критериев приемлемости юрисдикции МУС применительно к *ситуации* и *делу* на рассмотрении Суда; определение приоритета между комплементарной юрисдикцией МУС и универсальной юрисдикцией третьих стран в контексте концепции субсидиарности; сочетание комплементарности Суда с решением Совета Безопасности ООН о передаче ситуации в отношении государств-неучастников Статута; корреляция принципа с концепцией «ответственности за защиту» и другие.

В третьем подразделе *соискатель переходит к исследованию уголовной юрисдикции смешанного типа — гибридным трибуналам и интернационализированным судам*. Международная практика создания смешанной уголовной юрисдикции связана с началом третьего тысячелетия, а именно с 2000 г., когда на территории Восточного Тимора были созданы специальные палаты для преследования массовых и грубых нарушений прав человека. Впоследствии международное сообщество неоднократно использовало модель гибридной юрисдикции при создании специализированных трибуналов *ad hoc* и интернационализации национальных судов. Помимо специальных палат в Восточном Тиморе, это смешанные Судебные коллегии в Косово (2000); Специальный Суд по Сьерра-Леоне (2002); Судебная палата по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005); Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006); Специальный Трибунал по Ливану (2007). Ряд ученых относит к интернационализированным судам также Специальный трибунал по Ираку, созданный в 2003 г. Кроме того, к судебным органам с гибридной юрисдикцией относятся Чрезвычайные африканские палаты, созданные в 2013 г. Между перечисленными смешанными (гибридными) трибуналами есть много общего, вместе с тем каждый из них является по-своему уникальным, поскольку создан для конкретного, определенного случая и в силу этого об-

ладает особенностями предметной юрисдикции, особого механизма осуществления судопроизводства, определения мер наказания и др.

Отмечается, что в международно-правовой доктрине пока отсутствует единое определение гибридной юрисдикции, между тем российские и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что подобные трибуналы функционируют в сфере уголовного судопроизводства, имеют различные смешанные элементы в их деятельности и создаются для конкретного случая, обладают правовой природой *ad hoc*. Среди несомненных достоинств гибридных форм международного уголовного правосудия выделяются оперативность, доступность доказательственной базы, возможность учета особенностей национальной правовой системы, доверительное отношение местного населения. В то же время анализ современной практики гибридных трибуналов и интернационализированных судов позволил выявить отдельные проблемы в их организации и деятельности: признание международно-правового статуса таких учреждений; надлежащее финансирование; кадровое и техническое обеспечение и др.

Автор полагает, что учреждение в 2013 г. Чрезвычайных африканских палат при содействии Африканского союза открывает новые перспективы уголовной юрисдикции смешанного типа, поскольку создает прецедент регионального подхода к интернационализации национальной юстиции, обеспечивает относительную независимость от решений Совета Безопасности ООН и демонстрирует возможность альтернативных от юрисдикции МУС вариантов международного уголовного правосудия.

Учитывая тенденцию создания в будущем смешанных (гибридных) форм международного уголовного правосудия на универсальном и региональном уровнях, предлагается разработать и принять в рамках ООН международные стандарты по организации смешанного уголовного судопроизводства в виде Типового соглашения международной организации (ООН или региональной по смыслу Устава ООН) с заинтересованным государством об учреждении судебного органа со смешанной юрисдикцией и Типового устава судебного учреждения смешанного типа. Диссертант считает, что модель гибридной уголовной юрисдикции может быть востребована не только в отношении массовых и грубых нарушений норм международного гуманитарного права, но также и в иных случаях, например, в борьбе с пиратством или преступлениями международного терроризма.

Пятый раздел «Особенности уголовной юрисдикции государств-членов Европейского Союза» направлен на исследование правового поля уголовной юрисдикции стран ЕС с учетом специфики наднационального правового регулирования. Отмечается, что вопросы, связанные с ма-

териальными и процессуальными аспектами уголовной юрисдикции государств-членов, занимают одно из приоритетных направлений общеевропейской политики. Главным образом это связано с «размыванием» внутренних национальных границ посредством введения единого Шенгенского пространства и ростом транснациональной преступности, необходимостью усиления контроля за внешними границами организации в целях недопущения нелегальной миграции и различного рода контрабанды, а также в контексте борьбы с мировой террористической угрозой.

В первом подразделе рассматривается генезис, развитие и институциональная структура пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС с учетом положений Лиссабонского договора 2007 года, а также тех изменений, которые затронули организацию пространства в последние годы.

Второй подраздел посвящен механизмам преодоления конфликтов уголовной юрисдикции государств Евросоюза и существующей практике взаимного признания судебных решений.

Разнообразие правовых систем стран ЕС в совокупности с европейскими гарантиями свободы передвижения неизбежно влечет за собой столкновение и конфликт уголовной юрисдикции государств-участников Евросоюза. Параллельное уголовное преследование в странах, имеющих общую цель построения единого пространства свободы, безопасности и правосудия, противоречит самой идее добрососедских отношений государств ЕС и подрывает один из фундаментальных постулатов уголовного правосудия: *ne bis in idem*.

В работе анализируются меры правового и организационного характера, предпринимаемые на уровне Европейского Союза в целях предотвращения и урегулирования конфликтов уголовной юрисдикции государств-членов. Дается правовая оценка Зеленой книги ЕС по конфликтам юрисдикции и принципу *ne bis in idem* в уголовном судопроизводстве 2005 г., а также Рамочному решению 2009/948/ЈНА по предотвращению и урегулированию конфликтов осуществления юрисдикции в уголовном судопроизводстве.

Решению проблемы конкуренции уголовной юрисдикции государств-членов ЕС, по мнению диссертанта, должен способствовать принцип *взаимного признания судебных решений*, представляющий собой процесс, при котором решение, принимаемое судебным органом одного государства ЕС, признается и, в случае необходимости, исполняется другим государством Евросоюза так, как будто решение было принято судебным органом последнего государства. Отмечается, что идея «взаимного признания» в рамках ЕС концептуально изменила традиционные взгляды на возмож-

ность организационного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства.

Рассматривается становление и правовое содержание принципа взаимного признания судебных решений, особенности его реализации посредством принятия мер укрепления доверия: сближению материального уголовного права, а также гармонизации уголовно-процессуального права государств в части соответствия высоким стандартам обеспечения личных прав — презумпции невиновности, преследованию *in absentia* и общим стандартам по сбору доказательств.

Для практической реализации концепции взаимного признания судебных решений необходимо последовательное осуществление ряда правовых мер, охватывающих различные стадии уголовного процесса. В этих целях в рамках Евросоюза вводятся стандартные акты, дающие право на проведение отдельных процессуальных действий — *европейские ордера*. Среди них: Европейский ордер на арест (*European Arrest Warrant*); Европейский ордер на арест имущества и доказательств (*Freezing Order*); Европейский ордер на предоставление доказательств (*European Evidence Warrant*); Европейский ордер на расследование (*European Investigation Order*). Кроме того, посредством рамочных решений и директив Совета ЕС вводится процедура взаимного признания приговоров и постановлений, связанных с различными мерами наказания, содержания под стражей, передачи заключенных и др.

В **Заключении** подводятся итоги диссертации, формулируются основные выводы проведенного исследования.

В **Приложении** в виде таблицы изложены сведения о содержании принципа универсальной юрисдикции в уголовном законодательстве государств.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: монография / А.Р. Каюмова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2016. — 488 с. (28,4 п.л.).
2. Каюмова, А.Р. Международно-правовые аспекты уголовной юрисдикции государств: вопросы теории и практики: монография / А.Р. Каюмова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2009. — 172 с. (10,0 п.л.).
3. Каюмова, А.Р. Проблемы теории международного уголовного права: монография / А.Р. Каюмова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — 336 с. (21,0 п.л.).
4. Каюмова, А.Р. Международное уголовное право: монография / А.Р. Каюмова. — Казань: Изд-во КГУ, 1998. — 96 с. (6,0 п.л.).

Учебники, курсы лекций и учебные пособия:

1. Каюмова, А.Р. Юрисдикция в международном праве / А.Р. Каюмова // Международное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. — М.: Статут, 2011. — 543 с. (34,0/1,2 п.л.).
2. Каюмова, А.Р. Международная уголовная юрисдикция в отношении массовых и грубых нарушений прав человека / А.Р. Каюмова // Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. — М.: Статут, 2011. — 830 с. (51,8/0,8 п.л.).
3. Каюмова, А.Р. Международное уголовное право / А.Р. Каюмова // Международное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. — М.: Статут, 2010. — 624 с. (39,0/1,6 п.л.).
4. Каюмова, А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализированные суды в системе международной уголовной юстиции: учеб. пособие / А.Р. Каюмова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2008. — 65 с. (4,0 п.л.).
5. Каюмова, А.Р. Международная уголовная юрисдикция в отношении массовых и грубых нарушений прав человека / А.Р. Каюмова // Международная и внутригосударственная защита прав человека: учеб. пособие для вузов / отв. ред. Р.М. Валеев, Р.Г. Вагизов. — Казань: Изд-во КГУ, 2007. — 674 с. (40,1/0,9 п.л.).
6. Каюмова, А.Р. Права человека в международном и внутригосударственном праве: учебник / А.Р. Каюмова // отв. ред. Р.М. Валеев. — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — 300 с. (18,5/0,6 п.л.).

7. Каюмова, А.Р. Юрисдикция в международном праве / Международное публичное право: курс лекций / А.Р. Каюмова, Р.М. Валеев [и др.]. — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — 270 с. (16,8/1,2 п.л.)

8. Каюмова, А.Р. Международное уголовное право: учеб. пособие / А.Р. Каюмова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2001. — 37 с. (2,3 п.л.).

Коллективные монографии:

1. Каюмова, А.Р. Понятие и виды юрисдикции в международном праве / А.Р. Каюмова // Современное международное право: теория и практика = Contemporary International Law: Theory and Practice / под ред. Б.М. Ашавского. — М.: Оригинал-макет, 2015. — С.240—256 (1,0 п.л.).

2. Каюмова, А.Р. Кодификация уголовной юрисдикции в международном и национальном праве и современные проблемы ее реализации в практике государств / А.Р. Каюмова // Фрагментация международного права. Liber amicorum в честь проф. Е.Г. Моисеева / отв. ред. проф. Н.А. Соколова. — М.: Центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. — С.280—303 (1,4 п.л.).

3. Каюмова, А.Р. Кодификация универсальной юрисдикции в международном праве / А.Р. Каюмова // Основные тенденции развития современного международного права. Liber amicorum в честь профессора Г.И. Курдюкова / отв. ред. А.Б. Мезяев, Н.Е. Тюрина. — Казань: Центр инновационных технологий, 2010. — С.190—204 (0,9 п.л.).

4. Каюмова, А.Р. Перспективы развития системы международной уголовной юстиции: смешанные (гибридные) трибуналы и интернационализированные суды: коллективная монография / А.Р. Каюмова // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. — М.: Институт права и публичной политики, 2009. — С.459—467 (0,8 п.л.).

5. Каюмова, А.Р. Роль конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в противодействии транснациональной организованной преступности / А.Р. Каюмова // Российский ежегодник международного права. 2005. — СПб.: Россия-Нева, 2006. — С.232—241 (0,8 п.л.).

6. Каюмова, А.Р. Создание единого европейского пространства свободы, безопасности и правосудия — приоритетная задача ЕС на современном этапе развития интеграционных процессов / А.Р. Каюмова // Европейское право, политика и интеграция: актуальные проблемы / под ред. Л.Х. Мингазова. Казань: Изд-во «Талигмат» Института экономики, управления и права, 2005. — 484 с. (30,25/1.2 п.л.).

7. Каюмова, А.Р. Европейский ордер на арест и перспективы института экстрадиции в международном праве / А.Р. Каюмова // Международно-правовые чтения / отв. ред. П.Н. Бирюков. — Воронеж: ВГУ, 2005. Вып.4. — 203 с. (12,6/0,5 п.л.).

8. Каюмова, А.Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции / А.Р. Каюмова // Российский ежегодник международного права. 2004. — СПб.: Россия-Нева, 2005. — С.216—228 (0,8 п.л.).

9. Каюмова, А.Р. Военные преступления в Римском статуте МУС / А.Р.Каюмова // Российский ежегодник международного права. 2003. — Спец. выпуск — СПб.: Россия-Нева, 2003. — С.63—68 (0,6 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

1. Каюмова, А.Р. Проблема конфликтов уголовной юрисдикции государств и взаимное признание судебных решений в рамках Европейского союза / А.Р.Каюмова // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 1(92). — С. 163—168 (0,8 п.л.).

2. Каюмова, А.Р. Иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции: понятие, виды, кодификация / А.Р. Каюмова // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 6(23). — С.283—289 (0,8 п.л.).

3. Каюмова, А.Р. Перспективы кодификации универсальной юрисдикции государств / А.Р. Каюмова // Российский юридический журнал. — 2015. — № 3 (102). — С.106—116 (1,0 п.л.).

4. Каюмова, А.Р. Юрисдикционные принципы защиты и универсальности: некоторые проблемы соотношения / А.Р. Каюмова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2015. — № 2(82). — С.83—87 (0,5 п.л.).

5. Каюмова, А.Р. Международное и внутригосударственное уголовное право: соотношение, юрисдикция, тенденции развития / А. Р. Каюмова // Российский юридический журнал. — 2015. — № 2. — С. 175—178. (0,7 п.л.).

6. Каюмова, А.Р. Институт юрисдикции в общей системе международного права / А.Р. Каюмова // Вопросы правоведения. — 2014. — № 4(26). — С.323—338 (0,9 п.л.).

7. Каюмова, А.Р. О соотношении юрисдикционных принципов защиты и универсальности в расследовании уголовных дел на Украине / А.Р. Каюмова // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9(76). — С.40—43 (0,5 п.л.).

8. *Каюмова, А.Р.* Понятие и содержание юрисдикции в доктрине международного и внутригосударственного права / А.Р. Каюмова // Известия вузов. Правоведение. — 2011. — №4. — С.164–177 (0,9 п.л.).

9. *Каюмова, А.Р.* Современное пиратство: некоторые правовые и практические проблемы противодействия / А.Р. Каюмова // Российский следователь. — 2010. — № 23. — С.25–28 (0,5 п.л.).

10. *Каюмова, А.Р.* Современные юрисдикционные проблемы операций ООН по поддержанию мира / А.Р. Каюмова // Российский юридический журнал. — 2009. — № 1(64). — С.69–80 (1,0 п.л.).

11. *Каюмова, А.Р.* Чрезвычайные судебные палаты Камбоджи в качестве трибунала с гибридной юрисдикцией / А.Р. Каюмова // Современное право. — 2009. — № 2. — С.113–117 (0,8 п.л.).

12. *Каюмова, А.Р.* Гибридные трибуналы и интернационализированные суды в системе международной уголовной юстиции / А.Р. Каюмова // Российский судья. — 2009. — № 5. — С.36–40 (0,5 п.л.).

13. *Каюмова, А.Р.* Международно-правовые стандарты по пресечению незаконного оборота стрелкового и легкого огнестрельного оружия и их реализация в РФ / А.Р. Каюмова // Право и политика. — 2008. — № 2. — С.370–374 (0,8 п.л.).

14. *Каюмова, А.Р.* Перспективы европейского пространства свободы, безопасности и правосудия в свете Лиссабонского договора о реформе ЕС 2007 года / А.Р. Каюмова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2008. — № 2. — С.97–101 (0,6 п.л.).

15. *Каюмова, А.Р.* Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения / А.Р. Каюмова // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 9. — С.12–15 (0,5 п.л.).

16. *Каюмова, А.Р.* Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции / А.Р. Каюмова // Государство и право. — 2008. — № 1. — С.82–90 (0,7 п.л.).

17. *Каюмова, А.Р.* Некоторые вопросы юрисдикции государств в международном космическом праве / А.Р. Каюмова // Московский журнал международного права. — 2007. — № 3(67). — С.109–124 (1,2 п.л.).

18. *Каюмова, А.Р.* Соотношение международной и национальной уголовной юрисдикции / А.Р. Каюмова // Российское правосудие. — 2007. — № 9(17). — С.29–35 (0,5 п.л.).

19. *Каюмова, А.Р.* К вопросу о месте юрисдикции в системе международного права / А.Р. Каюмова // Ученые записки КГУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2007. — Т. 149 (кн.6). — С.316–324 (0,7 п.л.).

20. *Каюмова, А.Р.* Механизмы осуществления уголовной юрисдикции государствами ЕС в рамках пространства свободы, безопасности и право-

судия / А.Р. Каюмова // Международное публичное и частное право. — 2005. — № 4. — С.46–52 (0,8 п.л.).

**Публикации в зарубежных изданиях,
в том числе зарегистрированные в базе Scopus и Web of Science:**

1. *Kayumova, A.R.* Gender in Multidimensional Peacekeeping Operations: Sexual Violence in Conflict (Scopus) / A.R. Kayumova // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy. — 2014. — Vol. 5, № 24. — P.483–488 (0,8 п.л.).

2. *Каюмова, А.Р.* Международная юрисдикция и наднациональность: вопросы соотношения / А.Р. Каюмова // Юридические записки (Украина). — 2014. — №1. — С.126–132 (0,6 п.л.).

3. *Kayumova A.* Universal Jurisdiction in the International and Domestic law: Current Problems Related to Codification and States Practice / *A. Kayumova* // *Evropský politický a právní diskurz = European Political and Law Discourse* — 2014. — Vol.1 Iss.6. — P.146–161 (1,0 п.л.);

4. *Каюмова, А.Р.* Борьба с международным терроризмом и перспективы международной уголовной юрисдикции / А.Р. Каюмова // Актуальные проблемы права в свете Послания Президента Республики Казахстан «Новый Казахстан в новом мире»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Алматы: Изд-во ТОО «Print-S», 2007 (0,3 п.л.).

5. *Каюмова, А.Р.* Уголовная юрисдикция государств: некоторые вопросы теории и практики / А.Р. Каюмова // Azerbaijan Law Journal. — 2004. — № 1/2(9) (1,2 п.л.).

6. *Каюмова, А.Р.* Становление и тенденции развития общей уголовной политики государств — членов ЕС / А.Р. Каюмова // Azerbaijan Law Journal. — 2005. — № 1/2 (1,0 п.л.).

**Статьи и тезисы докладов, опубликованные
в сборниках материалов международных конференций:**

1. *Каюмова, А.Р.* Современные проблемы универсальной юрисдикции государств в международном праве / А.Р. Каюмова // Современные тенденции развития международного гуманитарного права: сб. науч. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — Казань, 2011. — 392 с. (0,8 п.л.).

2. *Каюмова, А.Р.* О соотношении юрисдикционной компетенции межправительственных организаций и наднациональности / А.Р. Каюмова // Шанхайская организация сотрудничества и актуальные проблемы международного права: межвуз. сб. науч. тр. — Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2009. — Вып.1(5) (0,6 п.л.).

3. *Каюмова, А.Р.* Международно-правовые аспекты борьбы с торговлей людьми в контексте обеспечения прав человека / А.Р. Каюмова, Е.Э. Фоминых // Всеобщая декларация прав человека и актуальные вопросы ее применения в российском и международном праве: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию принятия ООН Всеобщей декларации прав человека. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2009 (0,3 п.л.).

4. *Каюмова, А.Р.* Международно-правовые стандарты по пресечению незаконного оборота стрелкового и легкого огнестрельного оружия и их реализация в РФ / А.Р. Каюмова // Современные проблемы развития международного и конституционного права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Д.И. Фельдмана / отв. ред. Г.И. Курдюков, О.М. Смирнова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2008 — С.116—127 (0,8 п.л.).

5. *Каюмова, А.Р.* Вопросы конкуренции уголовной юстиции государств и международной уголовной юстиции в свете принципа комплементарности МУС / А.Р. Каюмова // Актуальные проблемы современного международного права: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. А.Я. Капустина, А.Х. Абашидзе. — М.: Изд-во РУДН, 2004 (0,5 п.л.).

6. *Каюмова, А.Р.* Юрисдикция государств в международном праве: проблемы определения / А.Р. Каюмова // Материалы всерос. науч. конф. — Казань, 2004 (0,3 п.л.).

7. *Каюмова, А.Р.* Международно-правовые стандарты защиты прав лиц, находящихся в местах предварительного заключения / А.Р. Каюмова // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2003 (0,3 п.л.).

8. *Каюмова, А.Р.* Транснациональные преступления и Римский статут МУС / А.Р. Каюмова // Материалы междунар. науч.-практ. конф. / А.Р. Каюмова. — Екатеринбург, 2000 (0,4 п.л.).

9. *Каюмова, А.Р.* Взаимодействие международного уголовного права и национального уголовного законодательства / А.Р. Каюмова // Тезисы докл. науч.-практ. конф. — Махачкала, 1997 (0,4 п.л.).

10. *Каюмова, А.Р.* Взаимодействие государств СНГ в сфере борьбы с преступностью в координатах международного правопорядка и правосознания / А.Р. Каюмова // Социально-исторические знания в Татарстане: тез. докл. Респ. науч. конф. — Казань, 1996 (0,3 п.л.).

Научные статьи в иных печатных изданиях:

1. *Каюмова, А.Р.* Некоторые проблемы уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых миротворцами ООН / А.Р. Каюмо-

ва // Правовая политика и правовая жизнь. — 2008. — № 4. — С.166—172 (0,8 п.л.).

2. *Каюмова, А.Р.* Обеспечение прав человека в контексте глобальной контртеррористической стратегии ООН / А.Р. Каюмова // Казанский журнал международного права. — 2007. — № 1. — С.70—76 (0,6 п.л.).

3. *Каюмова, А.Р.* Уголовная юрисдикция государств в международном праве / А.Р. Каюмова // Российский юридический журнал. — 2004. — № 1. — С.58—67 (0,9 п.л.).

4. *Каюмова, А.Р.* Институт оговорок в праве международных договоров / А.Р. Каюмова // Ученые записки КГУ. — 2003. — Т. 143 (0,7 п.л.).

5. *Каюмова, А.Р.* Принципы международного уголовного права в Римском Статуте Международного уголовного суда / А.Р. Каюмова // Ученые записки КГУ. — 2002. — Т. 142. — С. 38—42 (0,7 п.л.).

6. *Каюмова, А.Р.* Международный уголовный суд / А.Р. Каюмова, Р.М. Валеев // Правосудие в Татарстане. — 2000. — № 4(5). — С.29—32 (0,6 п.л.).

7. *Каюмова, А.Р.* Юрисдикция Международного уголовного суда / А.Р. Каюмова // Российский юридический журнал. — 2000. — № 3. — С.51—56 (0,7 п.л.).

8. *Каюмова, А.Р.* Перспективы развития международного права в свете учреждения Международного уголовного суда / А.Р. Каюмова // Ученые записки Ульяновского государственного университета. — 2000. — Вып. 2(12) — С.22—26 (0,7 п.л.).

9. *Каюмова, А.Р.* Поговорим о новой отрасли / А.Р. Каюмова // Московский журнал международного права. — 1998. — № 4. — С.226—227 (0,3 п.л.).

10. *Каюмова, А.Р.* Место МУП в системе международного права и его роль в защите прав человека / А.Р. Каюмова // Ученые записки КГУ. — 1998. — Т. 133. — (1,0 п.л.).

11. *Каюмова, А.Р.* Проблема становления международного уголовного права / А.Р. Каюмова // Ученые записки КГУ. — 1996. — Т. 132. — С. 106—112 (0,8 п.л.).

12. *Каюмова, А.Р.* История возникновения и развития международного уголовного права / А.Р. Каюмова // Московский журнал международного права. — 1995. — № 2. — С.99—112 (0,6 п.л.).

Подписано в печать 30.05.2016. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Times». Усл.-печ. л. 2,0.
Тираж 100 экз. Заказ 05-16/19-2.

Отпечатано в ИД «Логос».
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru